

Ксения Мэо

МАГИЧЕСКАЯ
свалка
для попаданки

Ксения Мэо

Магическая свалка для попаданки

«Автор»

2026

Мэо К.

Магическая свалка для попаданки / К. Мэо — «Автор», 2026

Я попаданка в мире магии и драконов. В наследство от мужа мне достается свалка на задворках империи. А вместе ней — беженцы, опасный магический мусор и обвинения в отравлении реки. Да еще местный губернатор требует в кратчайшие сроки устранить нарушения. Но ведь не даром я мечтала стать экологом! Уж я наведу порядок на этой свалке, объединю мусорщиков в гильдию, выясню, кто на самом деле травит горожан, и покажу всем, что мусор может быть настоящим сокровищем. Вот только на мои владения постоянно нападают неизвестные, а губернатор повадился проводить инспекции почти ежедневно

© Мэо К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1.	5
2.	7
3.	10
4.	12
5. Кадмон	14
6.	17
7.	19
8.	21
9.	23
10. Кадмон	25
11.	28
12.	30
13.	32
14.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ксения Мэо

Магическая свалка для попаданки

1.

— Потерпи, Кати, скоро этот балаган закончится, и ты сможешь вернуться домой. — Мой новоиспеченный муж Прочион по-доброму улыбается в седую бороду, чмокает меня в макушку и треплет по темным волосам.

Но балаган только начинается: толпу гостей развлекают шуты и скоморохи. Они нарочито нелепо падают, распевают скабрёзные куплеты, в которых объясняют молодым, то есть мне и старику Прочиону, как делать детей. Всё это сопровождается изображением физиологических звуков.

Несколько мужиков соревнуются, кто откусит больший кусок от кабаньего окорока.

М-да... Хороший тамада и конкурсы интересные, как говорят в моем родном мире. Я устала так, словно разгружала вагоны, а мне надо изображать счастье и веселье. Прочион же, хоть и немолодой, но держится с достоинством.

— Ты уверена, что останешься в столице и будешь поступать в Академию? — тихо уточняет он.

— Да, Прочи! Спасибо, что дал мне такую возможность, — улыбаюсь ему.

Мой муж Прочион кивает, осушает бокал, который уже с полчаса носит в руке, и смеётся. А потом с беспокойством на лице оттягивает ворот свадебного камзола, словно тот давит. Гости ничего не замечают и продолжают веселье.

Прочион краснеет и тянется ко мне. Смотрю в его слишком блестящие глаза, и мне становится страшно за старика. Неужели приступ? Только не здесь! Только не сейчас...

Подставляю плечо и веду его к столу, где стоит мой бокал с растаявшим льдом. Я сразу после подачи опрокинула в себя поданный нам холодный напиток, оставив кубики льда на дне. А Прочион побоялся простудиться и ждал, пока лёд растает.

Прочион судорожно хватается за горло и синеет.

Мы пробиваемся сквозь толпу гостей, но никто не обращает на нас внимания. Хохочут, пьют, тычут пальцами в скоморохов.

Я пытаюсь удержать грузного старика одной рукой, а второй шарю в нагрудном кармане его жилета под камзолом. Там должны быть пилюли.

К нам подбегает племянник Прочиона Лакаш. Один из многочисленной своры бездельников. В кои-то веки я рада видеть этого избалованного щеголя, который сегодня на правах свидетеля крутится рядом, подает нам блюда и напитки.

Лакаш помогает усадить дядю на место жениха — украшенный цветами стул с высокой спинкой. При этом случайно задевает локтем мой бокал, и тот со звоном разбивается, содержимое растекается лужицей. Несколько капель летит на подол моего белого платья.

Я наконец нахожу пилюли и подношу пару ко рту мужа. Но тот сцепил зубы в страшной улыбке и, кажется, не может расслабить челюсти.

За три года, что я прожила в этом мире под опекой Прочиона, я успела насмотреться на приступы его проклятой болезни. Но такое вижу впервые.

Лакаш застыл в растерянности, держит дядю за плечи. Я пытаюсь ложкой разжать зубы мужа и впихнуть в него лекарство. На губах старика выступает зелёная пена, его тучное тело начинает трясти, он хрипит, хватается руками за подлокотники и судорожно сжимает их. Выгибается дугой, ломает правый подлокотник, ноги бьют по полу.

Все это под аккомпанемент свистящего хрипа, клокочущего в горле.

— Прочион, держись... — повторяю я. — Пожалуйста, не умирай! Кто-нибудь, помогите! — кричу, но голос гложет в месиве праздничных звуков.

Прочион дёргается вниз и обмякает в кресле, сползает наполовину на пол и замирает, уронив голову на грудь.

Я с ужасом понимаю: конец! Но не верю. Все так стремительно произошло. Пара мгновений — и единственного моего друга в Драконарисе больше нет.

Я прижимаюсь к телу доброго старика, из меня рвется дикий вой. Яростно и горько рыдаю.

Я все время теряю близких. Несколько лет назад, когда я была ученицей выпускного класса гимназии в небольшом постсоветском городке, из-за ядовитого выброса на местном предприятии погибли мои родители. Дедов и бабок у меня тоже уже не было: почти всех забрали рак или астма.

Несмотря на горе, я в тот же год поступила на химбио с намерением стать экологом и кошмарить заводы и фабрики. Чтобы больше никто не терял родных так, как я.

А потом, три года назад, во время экологической демонстрации у проходной предприятия, которое слило в промышленную реку сотни тонн отравленных отходов, в меня выстрелил охранник. Я думала, что умираю. И даже стала перебирать, что скажу родителям при встрече.

Но когда открыла глаза, увидела обеспокоенное лицо похожего на Санта-Клауса старика. Он с необычной для почтенного возраста прытью нес меня в каменный особняк, на котором я мельком заметила гаргулий. За нами по траве тянулась дорожка крови из моей раны. А в небе парили драконы. Один из них и спас меня от смерти магией исцеления.

Так я стала попаданкой в мире, наполненном волшебством и фантастическими существами. Заправляли тут драконы — в человеческой ипостаси типичные аристократы. Мне повезло очутиться в Драконарисе — столице Эльдратории.

Наверное, именно так выглядели средневековые города: мрачные, величественные, с вытянутыми шпилями, узкими улицами и грязными площадями.

Мне действительно повезло, что попала я в сад местного богатого чудака — Прочиона Ракуна. Этот добродушный старик спас мне жизнь и сразу проникся ко мне отеческим чувствами.

Своих детей у него не было — лишь толпа племянников разной степени родства, наглости и бестолковости. Прочион взял меня под крыло, помог изучить местный язык, историю, обычаи, вывел в свет.

За шесть месяцев до совершеннолетия, которое тут наступает для девушек в двадцать один год, меня стали осаждать женихи. Много женихов. Всем хотелось сосватать за себя диковинную невесту — попаданку. И тогда Прочион оказал мне последнюю услугу.

В Эльдратории не жалуют незамужних совершеннолетних женщин. Для них закрыты многие возможности. Их не берут на учебу, предлагают самую низкооплачиваемую и недостойную работу.

Замужние дамы, напротив, получают всё, что хотят. Если, конечно, муж одобряет пожелания. Мужья тут контролируют жен от и до. Диктуют им, что надевать, что читать, с кем и против кого дружить.

Понимая, что меня ждет или унылое прозябание, или настолько же унылый брак, Прочион позвал меня замуж.

И сейчас, на нашей свадьбе, я, рыдая в голос, обнимаю его неподвижное тело.

В глубоком горе я и не замечаю, как наступает мертвая тишина. Не вижу, как нас обступают гости. Из скорби меня вырывает визгливый крик старушки-соседки, которая никогда меня не любила. Сейчас эта милейшая карга тычет в меня узловатым пальцем и злорадно верещит:

— Она отравила его! Убийца!

2.

Из пиршественного зала я прямо в свадебном платье отправляюсь в тюрьму.

Допросы сменяются опознаниями. Затем выездами на место. Потом происходят ещё какие-то следственные действия, которых я не запоминаю. Они сливаются в унылый бесконечный кошмар. Всё это время мне не дают спать.

Я сижу на очередном допросе и едва не падаю от усталости. Глаза закрываются. Сознание уплывает, но я хватаю его за хвост и возвращаю. Правда ненадолго.

— Ну давай, Кати, признайся, что отравила мужа, — доверительно шепчет следователь. — И мы отпустим тебя спать.

Я мотаю головой.

— Давай, Кати, ради памяти старика, — уговаривает он.

— Давайте ради памяти Проциона вы попытаетесь найти настоящего убийцу, — повторяю, наверное, в сотый раз заплетающимся языком.

— Свидетели видели, как ты заталкивала ему в рот какие-то пилюли. Что это было?

— Лекарства от сердца, — пожимаю плечами, стараясь выглядеть непринужденно.

Вопросов о пилюлях я боюсь больше всего.

— К сожалению, мы не можем их проверить и убедиться, что ты говоришь правду... — качает головой следователь.

— Почему? — пытаюсь изобразить удивление.

— Они пропали, — дознаватель упирает тяжелый взгляд в мои глаза. — Ты знаешь, где они?

Опять мотаю головой, стараясь придать лицу выражение обеспокоенности. На самом деле я знаю, что случилось с пилюлями: я сама впопыхах затолкала их в щели между досками, пока ждала гвардию.

На это у меня была одна, но очень весомая причина. Никто не должен узнать, от какого недуга страдал Процион.

Много десятков лет назад его покусал оборотень. Процион тогда еще был мальчишкой и жил с родителями-бедняками в глухой деревне. Ни о какой медицине в той глуши и речи не шло. А местная знахарка окончательно выжила из ума и лечила не реальные болезни, а леворукость и скрип зубами. В лучших традициях альтернативщиков — мочой и медом.

В итоге заражение достигло такого уровня, который уже нереально было отмотать назад, лишь купировать. Мелкому Проциону повезло, что в деревню заглянул бродячий алхимик и обратил внимание на мальчика с явными признаками ликантропии.

До старости Процион хранил эту тайну и в полнолуние пил выписанное алхимиком средство. Не мне раскрывать этот секрет. Пусть меня обвинят в убийстве, но чистое светлое имя добродушного Проциона Ракуна останется незапятнанным.

Следователь отводит в сторону взгляд, с досадой цокает. Допрос окончен.

Меня наконец ведут в камеру, которая пахнет носками подростка и выглядит как мечта социопата. Холодный каменный мешок без окон и мебели. Я валюсь на тощий соломенный матрас и моментально проваливаюсь в небытие.

— Кати Ракур, на выход! — Грубые руки дёргают меня за плечи и резко поднимают.

Просыпаюсь моментально. Меня бесцеремонно держит стражник с поросычьими глазами и кабанскими пропорциями. Толкает к двери. Выводит и сопровождает, держа за плечо, по коридору.

Идём запутанными проходами без окон минут десять, наконец заваливаемся в зал, где собрались пара десятков человек.

С удивлением узнаю родню Проциона. Траурные одежды, скорбные позы. При моем появлении все оборачиваются и смотрят на меня в упор. На лицах неприкрытая ненависть и неприязнь.

— Убийца! — шипит троюродная жена младшего брата Проциона Матильда. Или она седьмая бабушка его четвертого внучатого племянника? Я до сих пор путаюсь.

— И я соболезную вашей утрате, — приседаю в реверансе.

— Начинаем, — скрипуче произносит коротышка в очках, которого я сначала не заметила за кучей народа. Это Стюарт, душеприказчик Проциона.

Следователь, расталкивая присутствующих, подводит меня к душеприказчику, сидящему за столом.

— Мы не можем подтвердить причастность леди Ракун к убийству мужа, — спокойно произносит он. — Но и исключать этого нельзя. Думаю, стоит учитывать такую вероятность при распределении наследства.

Ну конечно! Как на благотворительный вечер или прополку грядок с мандрагорой — так этих ребят не дождешься. А как имущество покойного делить — так все явились. И запор с изжогой никого не мучают.

Процион не оставил завещания, и все его имущество делят прямо сейчас. Родня старика, да что уж там, теперь и моя, устраивает дележку вышитых платочков и серебряных вилок. Я молча наблюдаю этот апофеоз жадности.

Следователь усаживает меня на стул, сам стоит рядом и бдит. Я сначала пытаюсь не уснуть, но спектакль настолько интересный, что не могу оторвать глаз. Не каждый день видишь, как плечистый и пузатый мужик отнимает у пятилетки деревянную лошадку, а тот в отместку делает лужу на колени жены обидчика.

Наконец через пару часов баталий всё имущество Проциона в Драконарисе и его окрестностях распределено. Мне в столице не нужно ничего. Главный подарок старик мне уже сделал.

— Осталась одна позиция, — подслеповато щурится Стюарт, держа перед глазами последний документ. — Это в Грюнердрахе. И вступить во владения следует немедленно и лично...

Стюарт переводит взгляд на меня:

— Думаю, справедливо будет отдать эту позицию молодой вдове.

— Да я как-нибудь сама, без наследства... — пытаюсь отказаться, потому что через три дня вступительные экзамены в Академию. Попасть в вуз мне хочется больше, чем в Грюнердрах, до которого пять суток пути.

Мне на плечи ложатся тяжелые руки следователя.

— Боюсь, — скорбно произносит он, — у вас нет права отказаться. Мы и так излишне добры к вам, не стоит дразнить дракона правосудия. И не забывайте, что расследование еще ведется. И вы в числе подозреваемых.

Через шесть дней я пребываю в Грюнердрах. Это так же далеко от столицы, как кончик драконьего хвоста от его мозгов. Всю дорогу меня сопровождали стражники. На новом месте их сменяет пара грюнердрахских гвардейцев в зеленых мундирах.

Ни те, ни другие не произносят ни слова. Меня просто передают из рук в руки, как шкодливого котенка, не приученного к лотку.

Я всю дорогу пыталась выяснить, что мне досталось, но стражники наотрез отказывались со мной говорить. Местные гвардейцы тоже немногословны. Они забирают у столичных стражников тубус с моей грамотой на владение и молча ведут меня на самую окраину города.

Первым делом я улавливаю запах. Даже не запах, а омбре. Смердит так, что птицы должны падать с неба. В этой вони смешалось всё: тухлятина, гниль, плесень и прелость.

А потом я наконец вижу своё наследство.

— Да вы прикалываетесь... — только и могу сказать я.

3.

Перед глазами раскинулась величественная свалка. Пестрые кучи мусора, подползают к городским стенам и курганами возвышаются над ними. Вонючие горы накрывают тенью находящийся тут же, за стенами Грюнердраха, стихийный лагерь беженцев, из которого доносятся голоса и детский смех.

Я медленно обвожу глазами свои владения. Лучшего наказания для подозреваемой в отравлении мужа вдовы и придумать нельзя! Только если это не попаданка-экоактивистка.

— Ну как, госпожа Ракурн, — внезапно подает голос один из местных стражников, — этого вы добивались? Стоило оно того?

Я с непониманием перевожу взгляд на него.

— О чем вы?

— Может, все-таки сознаетесь? И мы посодействуем вашему возвращению в Драконарис. Заверяю вас, в тюрьме пахнет не так отвратно. А если вас признают недееспособной, возьмут на поруки или отправят под домашний арест, то и тюрьма вам не страшна.

Хмыкаю.

Во-первых, сознаваться в том, чего я не совершала, я точно не буду. Тем более за кусок мыла.

Во-вторых, у меня было пять суток пути на размышления. И вот до чего я додумалась: вероятно, отравить пытались не только Проциона, но и меня. Мы же ели и пили в тот день одно и то же. Только мне почему-то повезло.

А вдруг настоящий убийца захочет снова попытать счастья? Помешать ему может только моя бдительность и расстояние между нами. На следователей, которые уверены в моей виновности, рассчитывать не приходится.

И, наконец, в-третьих... Свалка! Ну камон! Это же просто мечта!

Я еще на первом курсе выбрала свалки темой научной работы. Изучила сотни кейсов со всего мира, читала статьи, смотрела документалки о суперсовременных полигонах, о том, как минимизируют вред от них.

До практики так и не успела дойти. Да и кто бы дал мне, сопливой студентке, развернуться с дурацкими проектами на мусорном полигоне? А тут — собственное поле для экспериментов! Дыхание перехватывает — и не от отвратного смрада, а от возможностей!

Так что решено: я остаюсь. Мне не привыкать жить без удобств, так что без слуг и особых нянков как-нибудь справлюсь.

Протягиваю открытую ладонь и требую:

— Документы!

Стражники переглядываются. Они явно не этого ожидали.

— Госпожа, — вкрадчивым тоном продолжает тот, что предлагал сознаться, — вы уверены, что хотите вступить во владение?

Он нерешительно сжимает в руках тубус. Я выдергиваю его из рук стражника.

— Да. Уверена, — говорю твердо. — Как и в том, что не травила Проциона Ракуна.

— Тогда мы вас проводим к смотрителю, — блеет второй стражник.

Они ведут меня по узкой размытой дороге между вонючими холмами в сердце полигона. Демонстративно закрывают носы белыми платками.

А я смотрю во все глаза, пытаюсь найти систему. Но не нахожу. Деревянные двери, рыбы кости, осколки бутылок и гнутая железная подкова лежат в одной куче. Под ногами хлюпает.

Ни навесов, ни ограждений. Работы предстоит много...

Мы выходим к окруженной горами мусора хижине. Она обнесена нехитрым заборчиком, который худо-бедно удерживает всякий хлам. На пороге сидит сторбленный немолодой мужчина и, кажется, спит.

— Смотритель! — трясет его за плечо стражник-провокактор.

Мужчина приподнимает кустистые седые брови и смотрит на нас водянистыми голубыми глазами.

— Господа офицеры? Чем могу быть полезен? — скрипуче спрашивает он.

— Это новая хозяйка свалки. Всё ей расскажешь и покажешь, — приказным тоном говорит тот же стражник. Затем бросает на меня взгляд: — Удачи вам, госпожа Ракуна.

На этом мои провожатые разворачиваются и уходят по петливой хлюпающей дорожке.

— Так вы новая вдова Проциона Ракуна? Которая его отправила, — скрипуче уточняет старик.

— Я вдова Проциона Ракуна, — ровно отвечаю я и упираюсь взглядом в блеклые глаза смотрителя. — Остальное домыслы и сплетни.

— Ну да — ну да... — бормочет старик и отводит взгляд. — Ну... Проходите, устраивайтесь. Только у нас тут удобств нет, вам, барышням, наверное, не понравится.

— Для начала введите меня в курс дела. Расскажите, где что, познакомьте с работниками.

— А чего тут вводить-то? — хмыкает смотритель. — Вот свалка, — обводит рукой вокруг себя. — Вот работник, — ударяет себя кулаком в грудь.

Дела-а-а... Один работник, и тот дряхлый смотритель.

— И каков круг ваших обязанностей? — спрашиваю строго.

— Так известно что — смотреть... — разводит он руками.

— На что смотреть? — уточняю я, не удержавшись от ироничной интонации.

— Знаете что, — сердится дед, — за те деньги, которые я получаю на этом месте, — только смотреть. Хотите большего — платите больше!

Какой шустрый! Вот только нет у меня денег. Ни монеточки. Откуда их взять? Смотрю в водянистые глаза, в глубине которых вспыхивает алчный огонек.

— Пока я не вникну в работу, ничего не обещаю, — отрезаю я.

Старик скрещивает руки на груди, смеряет меня взглядом и выпячивает подбородок.

— Вот как... Ну тогда я увольняюсь! — с этими словами он протягивает руку и требует: — Выходное пособие! Утроенное!

Эльдратория построена на бюрократии, которая склеивает империю лучше суперклея. Поэтому я в ответ протягиваю руку и жёстко произношу:

— Обходной лист! Отчёт! За полгода. И ваш вариант трудового договора, — затем из уважения к возрасту все же добавляю: — Будьте добры.

Лицо старика вытягивается так, что я всерьез опасаюсь за судьбу его нижней челюсти.

И тут за спиной раздаётся шорох и звук шагов. Старикан расплывается в мстительной улыбке. Алчные огоньки в глазах хищно вспыхивают.

— Ах вот так, значит? Ну сейчас вам не поздоровится... — шепчет он, потирая ладони.

4.

Я даже обернуться не успеваю, как смотритель верещит, словно сорока, которой прищемили хвост:

— Господин губернатор! Господин губернатор! Вы как раз вовремя! Вот она, хозяйка, с нее и спрашивайте, а от меня наконец отстаньте.

Вот так гости! Ещё и это “с нее спрашивайте” заставляет поежиться от нехорошего предчувствия. Я быстро разворачиваюсь, чтобы встретить губернатора. От резкого движения подол моего платья разлетается и... цепляется за торчащий из кучи мусора железный прут.

Я не замечаю этого и делаю шаг к губернатору. Плотная ткань подола натягивается и дёргает меня назад. Я от неожиданности падаю на спину. Понимаю, что сейчас насажусь ребрами на этот прут, как шашлык на шампур. Успеваю закрыть рот и задержать дыхание, ожидая проезжающей боли под лопаткой. И зажимаюсь.

Но ничего не происходит. Я не то что не напарываюсь на прут, я даже не падаю. Осторожно открываю глаза и лицезрею покачивающиеся кучи мусора. Вернее, это я покачиваюсь. В воздухе. Какая-то сила удерживает меня от падения.

А потом я перевожу взгляд и вижу губернатора. Мамочки мои! Я пропала...

Во-первых, он высоченный. Во-вторых, он широк в плечах. В-третьих, стройный, с длинными каштановыми волосами и аккуратной бородой. На дорогушей одежде ни пятнышка, несмотря на то, что губернатор дошлепал до сердца свалки.

Ну и в каких-то там, он смотрит. На меня. Одновременно снисходительно и с неприязнью. И главное, зрачки у него... вертикальные. Губернатор Грюннердраха дракон. Вроде и живу в Эльдратории три года, а все никак не привыкну ни к драконьему снобизму, ни к драконьему могуществу.

Кстати, о могуществе. Это губернатор силой магии не даёт мне упасть. Но и не ставит на ноги, сохраняя меня в нелепом и беспомощном положении.

Он медленно вальяжно подходит. Останавливается напротив и смотрит в упор.

Я вроде как отхожу от шока. И мне не приходит в голову ничего лучше, как сделать реверанс. В моем положении это, наверное, выглядит комично. Но хоть кто-то тут должен оставаться вежливым. Губернатор не собирается этого делать, так что придется мне.

Барахтаюсь в воздухе, но тем не менее развожу юбки и изгибаясь, как гусеница на листочке.

Губернатор хмыкает и... слегка кланяется. Затем ставит меня на ноги.

— Вот видите, что бывает, если не соблюдать требования к свалкам, — изрекает он.

Это не голос человека, это рокот морского прибоя, и он почти сбивает меня с ног. Коленки дрожат, а сама я не могу вымолвить ни словечка в свою защиту. Да что же это за магия такая?!

Катя, соберись! Возьми себя в руки! Ты всё это время держалась и противостояла имперским дознавателям, грюннердрахским сторожам и даже одному смотрителю свалки! Неужели тебя с толку собьет мужик?

Да, чертовски привлекательный, высокий, стройный мужик... От взгляда которого я плавлюсь, как масло на солнце. Эй! К делу!

Я собираю остатки самоконтроля.

— Видите ли, господин... — смотрю на него выжидающе.

Если б мне позволили перед отъездом в Грюннердрах воспользоваться библиотекой Пропциона, я бы приехала сюда подготовленная от и до. У меня комплекс отличницы в терминальной стадии, и я всегда предпочитаю подготовиться заранее.

— Фламберг, — кивает губернатор. — Кадмон Фламберг.

Это точно какие-то темные чары! Потому что как иначе объяснить, что мое сердце пропускает удар, а слова просто не проникают в мозг? Как он сказал? Конд... Бр-р-р... Нет! Точно не так...

— Видите ли, — повторяю я, — я только что прибыла и еще не успела изучить ситуацию. Если тут есть какие-то нарушения, — сглатываю, а сама думаю: “Если? Да тут нарушения невооруженным глазом видны, под ногами валяются и хлюпают! Ну и бред же ты несешь, Катя!” — так вот, если тут есть нарушения, я просто не успела их обнаружить.

Губернатор смеряет меня таким насмешливым взглядом, что я мечтаю провалиться под землю. Затем подходит, берет меня под локоть и рокошет:

— Ну так пройдемте. Я вам покажу нарушения, — и мягко, словно в вальсе, увлекает меня по дорожке между мусорных гор.

Мы беззвучно скользим над петляющей тропинкой, губернатор крепко прижимает меня и наставительным голосом перечисляет:

— Посмотрите, госпожа Ракун, все отходы перемешаны...

А он подготовился, в отличие от меня!

— Железо с деревом, гнилая пища с лекарствами. Участков для отходов, которые реагируют со средой, нет. Навесов нет. Ограждений нет. Охраны нет. Отводных желобов нет. Сеток нет. Силовых ям нет. После дождя... — он замолкает, и я ощущаю затаенный гнев.

Губернатор выводит меня на окраину свалки, и я понимаю его глухую злобу. Мой мусорный полигон вплотную подходит к реке. Причем располагается он выше по течению, чем Грюннердрах. Это значит, что после дождя литры токсичной жижи сливаются в реку и попадают в город.

Я тоже молчу, потому что понимаю: перед ним бессмысленно оправдываться, он ценит лишь дела. А я за первые пять минут владения свалкой успела лишь с подчиненным поцапаться.

— Думаете, это всё? — рокот губернатора всё больше походит на рык.

Он тянет меня в обход мусорного кургана, и мы оказываемся в стихийном лагере беженцев. На меня смотрят сотни голодных злых глаз. Обитатели лагеря выглядят бледными и изможденными.

— Вы взимаете с этих несчастных плату за то, что они живут на вашей свалке и питаются объедками с нее! Это бесчеловечно! — рычит мне в ухо губернатор.

Это поистине какой-то уникум. Видала я драконов, но таких, которых бы заботили проблемы людей, — ни разу.

— Спасибо, господин губернатор, — выдавливаю я, глядя в его глаза, похожие на расплавленное золото. — Я приму меры.

— Конечно, примите... — бросает губернатор, разжимает руки и отходит, пропуская ко мне беженцев.

Те окружают меня. Смотрят угрюмо и с угрозой.

5. Кадмон

Я отхожу всего на пару шагов. Потому что, как бы ни был зол на эту девчонку, но ее смерти не хочу. Моё присутствие сдержит разгневанных беженцев.

На секунду я допускаю, что поступил жестоко, потому что хозяйка свалки выглядит так, будто только что узнала не то что о ее проблемах, а о ее существовании! Но я слишком много повидал таких изворотливых особ, поэтому не позволю себя обмануть.

От девчонки, которая пахнет луговыми травами, на одну секунду взвивается острый запах страха. Но ровно на одно мгновение.

Я стою в стороне и наблюдаю, как черную вдову (да, я знаю о ней всё: ее имя, возраст, что она попаданка и что она главная подозреваемая в убийстве мужа) окружают ободранные, исхудалые, похожие на тени, беженцы.

Внимательно слежу за ее лицом. Но не вижу ожидаемого отвращения или брезгливости. Лишь лёгкий излом бровей, мокрый блеск в глазах, намекающие на... сочувствие?

Это любопытно. Продолжаю наблюдать. Через час в ратуше встреча городского совета. Но я на нее готов опоздать, если беседа девчонки с беженцами окажется достаточно увлекательной.

Первым к Кати подходит чумазый мальчуган лет шести. И она... садится на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне, заглядывает ему в глаза и с улыбкой говорит:

— Привет!

Мальчик от неожиданности засовывает палец в рот и замирает. Потом выдает искренне:

— Ты красивая...

По толпе прокатывается смешок.

— Спасибо, — девчонка улыбается ещё шире. — А ты тут, наверное, главный?

Мальчик звонко хохочет, оценив шутку. Женщины невольно улыбаются, глядя, как наряженная богачка кокетничает с маленьким замарашкой. Мужчины недоверчиво переглядываются.

— Нет! — отмахивается рукой от забавного предположение чужачки мальчик. — Я Вуди. А главный у нас Бай.

Девчонка протягивает парнишке руку, совершенно не боясь запачкаться, и доверительно говорит:

— Приятно познакомиться, Вуди. А я Кати. Ты, наверное, оруженосец Бая, раз такой смелый? Познакомь меня с ним.

Мальчик берет Кати за руку и ведет в сторону угрюмого здоровяка со спутанными черными космами и неровной бородой. На нем красная рубаха, застиранная и с кое-как зашитыми прорехами. Бай прожигает хозяйку свалки мрачным взглядом глубоких черных глаз.

Ну давай, девочка, покажи свою истинную суть! Скриви симпатичную мордашку, скажи что-нибудь высокомерное. Мне до дрожи хочется уличить ее в притворстве.

Но ей снова удастся удивит меня. Оказавшись напротив Бая, она выпускает ладошку Вуди, треплет его по голове, а затем... приседает перед здоровяком в реверансе, словно перед бароном.

— Приветствую вас, господин Бай! — она выныривает из реверанса и складывает руки перед собой в замок. — Я Кати Ракур, только что вступила во владение этим местом.

Тот угрюмо кивает, но на дне глаз плещется удивление.

— Приветствую вас, госпожа Ракур.

Я три месяца добивался от него хоть слова. Опаленный невзгодами, войной, холодом и враждебностью местных жителей, нагруженный ответственностью за своих людей, он не отличался доверием и лишь недавно согласился со мной общаться.

Конечно, я мог поступить проще: принять ипостась дракона и дохнуть огнем, но разве это принесет мне от этого человека что-то, кроме страха и тихой ненависти? Нет, тут надо с умом подходить. Я много способов перепробовал, а желаемого добился очень не сразу. А это темнокудрое создание без труда выстраивает диалог с угрюмым вождем беженцев.

— Я должна принести вам извинения за то, как с вами обошлись, — продолжает рвать шаблоны в моей голове девчонка. — Скажите, пожалуйста, кто требовал от вас оплату за взятые со свалки... вещи?

— Так... Ваш покойный муж... — удивлённо тянет Бай.

— Лично? — невинно спрашивает Кати.

— Да нет... Через своего поверенного, — отвечает Бай.

— Через господина Стюарта?

— Нет, через старика, что обитает в центре свалки.

— Но это не поверенный, а смотритель, — качает головой барышня.

Вот оно! Кажется, я понимаю, что она собирается сделать. Соскочить, назначив виновным подчинённого. Всё-таки она обычная змея... Но я не позволю ей так легко отделаться.

Отхожу ещё дальше, разворачиваюсь и скольжу над кучами мусора в центр полигона.

По пути в голову приходит мысль, что девчонка могла действительно не знать о действиях муженька. Понятия не имею, что это был за человек. Просто он однажды, лет пять назад, через посредников приобрел эту свалку. И всё.

Старик-смотритель бодро топает по тропинке к выходу. Я плавно опускаюсь перед ним и прячу кожистые крылья за спиной. Увидев меня, старик вздрагивает. От меня не укрывается, как он воровато оглядывается и старается спрятать что-то под плащом.

— Куда-то собрались? — делаю шаг к нему.

Я бы мог отпустить смотрителя на все четыре стороны, но его поведение кажется мне... подозрительным.

Старик пятится.

— Так... того... Уволили меня, вот я освобождаю местечко... — бормочет он, а у самого глазки так и бегают по сторонам.

Драконье чутье не обманешь: старик что-то скрывает. Я хищно втягиваю носом воздух и ловлю запах страха, пота и... золота. Плотный сладковатый запах желтого металла.

— Помнится, вы назвали ее “хозяйка”... После этого я ее забрал, и вы не общались, — я наступаю. — С чего вы взяли, что вы уволены?

— Ну... Захотел и уволился... Я и так пять лет жизни положил на эту свалку. И мне явно недоплачивали, — он останавливается, выпячивает подбородок, в глазах вызов.

Всё его поведение говорит об одном: старик лжет. Лжет мне! За кого он меня держит? Драконье чутье с ехидцей шепчет: “За лежковерного дурачка, которого можно использовать в мутных схемах”. Как только я это понимаю, забрало падает. Смотритель не уйдет от меня не дав ответов!

— Не доплачивали? — переспрашиваю, подпуская в голос холодного шипения. — Напомните, какова была сумма вашего жалования?

— Два... Нет, один золотой в месяц! — горячо сообщает старик. — Ну разве за такие деньги проживешь?

Ложь! Я снова чую это. Об этом говорят его тело и несостыковки в его рассказе! И запах денег.

— Это значит, что за пять лет вы юзаработали... шестьдесят золотых? — я неумолимо надвигаюсь на старика, нащупывая в его лжи опору для обвинений. — И много ли потратили? Жилье-то вам было предоставлено... А еда, обогрев, одежда?.. За них же надо было платить, как вы объясняли мне и тем беднягам, которые разбили лагерь неподалеку.

Он молчит. Потому что понял: я уже уловил драконьим слухом звон монет. И звенят они как кругленькая сумма, а не как жалкие крохи, которые он мне тут называет.

— Ну ладно, допустим, вы тратили на это по два золотых в год. Итого вы должны были заработать пятьдесят золотых. Верно? Видимо, их вы прячете под плащом?

Старик белеет. А я с трудом сдерживаю гнев. Смотритель водил меня за нос несколько лет, наживался на безалаберности хозяина свалки и на беззащитности беженцев. А когда понял, что дело пахнет жареным, попытался сбежать. А еще он... попытался манипулировать мною, словно мальчишкой. Натравить на новую хозяйку.

— Отлично, — я улыбаюсь, демонстрируя зубы, и снова иду на старика. — Тогда я уволю вас на правах губернатора. Вот только уладим пару моментов...

6.

— Хотите сказать, что не вы назначали цену за мусор со свалки? — недоверчиво поднимает бровь Бай.

— Я узнала о свалке полчаса назад, — качаю головой. — Может, конечно, Прочион назначил, но это на него совсем не похоже. Он сам вырос в нищете и при первой возможности старался помочь другим людям в тяжёлом положении.

— Вы сейчас стараетесь свалить всё на смотрителя, чтобы не нести ответственность или выгородить мужа, — уверенно констатирует Бай.

Пусть я и сумела наладить контакт с этим угрюмым человеком, но его недоверие ощущается физически. А мне крайне важно заручиться его поддержкой. Потому что план выхода из кризиса уже зреет в голове. И он базируется именно на беженцах.

Я стопроцентно уверена в порядочности своего патрона.

— Если он отдавал подобные приказы, то они должны сохраниться, — объясняю я. — Давайте прямо сейчас пойдем и поищем их.

Бай смотрит всё с тем же недоверием, но соглашается. В его сопровождении топаю по грязной дорожке в сердце свалки. Остальные беженцы расходятся по делам, из чего я заключаю, что они безоговорочно верят своему лидеру.

Когда мы подходим к домику, стул смотрителя уже пуст. Значит, сбежал... Набираю в грудь воздуха и стараюсь мобилизовать всю энергию, что у меня осталась, для дальнейшей беседы. Пути назад нет. Честно говоря, никакого пока нет. Лишь намеки на маршрут.

В этот момент в дверях показывается Кадмон Фламберг. Он кажется огромным, как медведь, в крохотном, узком и перекошенном дверном проеме старого домишки. В одной руке он держит увесистый мешок, в другой — бумаги.

— Госпожа Ракур, на правах мэра Грюнендраха я провел расследование, — сразу заявляет он. — Выяснилось, что временный управляющий злоупотреблял доверием вашего мужа. Переписка с ним господина Прочиона подтверждает, что он находился в неведении относительно самоуправства смотрителя.

Мы с Баем останавливаемся как вкопанные и переглядываемся. Губернатор подходит к нам и протягивает мне мешок и стопку бумаг.

— Это штраф и компенсация за неправомерные действия от смотрителя. Тут... — Кадмон встряхивает мешок, из которого доносится теплый звон, — сто пятьдесят три золотых. По закону вам еще полагается выплата от города за оказание услуг мусорного полигона — за пять лет сто золотых. Но за нарушения и бесхозяйственность город удерживает эти деньги.

Речь идет об очень больших для меня суммах. Головокружительных.

Я выдыхаю и принимаю кошель и документы. Руки у меня едва заметно дрожат. Случайно касаюсь руки господина Фламберга, и по моему телу проносится волна жара, лицо вспыхивает. Язык прирастает к небу.

Под пристальным взглядом глаз дракона мысли сбиваются в кучу. Наверное, он замечает мое замешательство, потому что его губы трогает легкая насмешливая улыбка.

— Это не всё, госпожа Кати, — рокошет он. — К сожалению, загрязнение реки пока никуда не делось. Вам необходимо в кратчайшие сроки разобраться с проблемой. Иначе свалку конфискуют и передадут более надежному владельцу, а вам придется оплатить все затраты города по устранению загрязнения.

— Сегодня же начну заниматься этим вопросом, — говорю я.

— Я буду проверять, — с улыбкой обещает Фламберг.

И от этого обещания сердце пускается вскачь, словно трусливый заяц. Прижимаю кошель и документы к груди и сажусь в неуклюжем реверансе.

— Спасибо за доверие, господин губернатор, — бормочу непослушным языком.

— Нет-нет-нет, — повторяет он низким голосом и смотрит пристально, не отводя глаз. — Я вам не доверяю. Я просто даю вам законный шанс. А теперь разрешите оставить вас, меня ждут на собрании городского совета. Я и так уже порядочно задерживаюсь. Господин Бай, госпожа Кати, — с легким полупоклоном Фламберг разворачивается и удаляется прочь.

Заходит за высокую мусорную кучу, откуда минуту спустя взмывает огромный черный дракон с узелком в передних лапах. Узелок большой, размером с человека, он дергается и, кажется, кричит голосом зрителя. Слов не разобрать, но интонации умоляющие.

А вот дракон прекрасен. Здоровенный и при этом грациозный зверь с чешуей, похожей на осколки обсидиана. Могучие кожистые крылья бросают вниз холодную большую тень. Меня всегда завораживали хозяева Эльдратории, но этот представитель семейства драконовых словно гипнотизирует меня, не могу оторвать от него взгляд и слежу за каждым его плавным движением.

Мы с Баем, как два истукана, стоим на подходе к дому и провожаем взглядом удаляющегося дракона. Он зависает над городом, а потом ныряет вниз, скрываясь за крепостными стенами.

Бай приходит в себя первым.

— Ну что ж, госпожа Кати, если сам господин Фламберг считает вас невиновной в том, что творилось на свалке в последние годы, то и мне придется признать это, — он говорит вроде бы учтиво, но рубит с плеча, слова падают тяжелыми камнями в сердце.

— Спасибо, — выдыхаю я.

В отсутствие Фламберга я чувствую себя более уверенной. А главное, план в голове принял окончательную форму. Осталось его реализовать.

— Тогда я тоже пойду, — роняет Бай. — Оставлю вас разбираться с документацией, обживать... — он стремительно поворачивается ко мне спиной и готовится уйти.

— Стойте! — бросаю ему вслед. — А компенсация?

Бай резко разворачивается, в один шаг оказывается рядом и нависает надо мной, словно грозная туча.

— Вы считаете, что и мы вам что-то должны? — цедит он.

— Я считаю, что вы должны... меня выслушать, — отвечаю и перехватываю его взгляд.

7.

— Ну нет! — злобно смеется он. И этот смех — не смех вовсе, а крик отчаяния и гнева на мир. — Сначала вы выслушаете меня!

Я стою как стояла и не отвожу взгляд. Пусть выговорится. Пока его мозг занят черными мыслями, он меня не услышит. Ему надо спустить пар. Мне же остается лишь слушать.

Бай нависает сверху и раскатисто, повышая голос с каждым словом, выплескивает на меня боль за судьбу его людей:

— Вы хоть представляете, каково это — жить и не знать, что принесет следующий день?! Каково это — лишиться дома, семьи, родины?! Каково идти день за днем, тащить больных, стариков и детей, и наткаться везде на закрытые ворота?! И постоянно что-то терять. Время, людей, здоровье. И слышать вслед “Нахлебники!”.

Он замолкает. Прожигает меня ненавидящим взглядом.

— А ведь мы можем работать, хотим... Но нас отовсюду гонят... Отказывают! Вы не представляете, каких усилий мне стоит удержать моих людей от полного отчаяния и от преступлений. А вы... Вы после всего требуете от нас компенсацию!

— Предлагаю! — отрезаю я.

— Да откуда у меня и моего народа... — Тут до Бая доходит смысл сказанного мной, и он переспрашивает: — Предлаг... Что?..

Смотрю в полные недоумения черные глаза.

— Я предлагаю вам компенсацию. Эти деньги, — с трудом трясущим тяжелым кошельком, — отняты у вас обманом. Большая их часть ваша. Мне нужно лишь на обустройство и закупку оборудования, думаю двадцати золотых должно хватить.

Бай всё еще смотрит на меня волком.

— Зачем вам это? — спрашивает, ожидая подвоха. — Вы ведь спокойно можете забрать себе всё.

— Во-первых, я отлично знаю, что такое терять родину и родных. Мои мама и папа умерли, когда мне было шестнадцать. А сама я погибла, когда мне едва исполнилось восемнадцать. И попала сюда, в совершенно чужое для меня место.

— Так вы... — слова замирают на языке Бая, когда он осознает, кто перед ним.

— Да. Я, можно сказать, глубоко не местная. Еще более не местная, чем вы и ваши люди. И я тоже сталкиваюсь с недоверием и подозрениями каждый драконов день! Это во-вторых. А в-третьих, меня обвиняют в отравлении мужа. Но поскольку я этого не делала, доказать ничего не могут. И в качестве наказания отправили сюда.

Бай запрокидывает голову и от души хохочет. С этим откровенным хохотом выходит всё напряжение. Наконец мой собеседник прекращает смеяться и вытирает рукой выступившие слезы.

— Так мы с вами в одной лодке? — ухмыляется он.

Теперь передо мной другой Бай. Более раскрепощенный, откровенный, колкий. Он расслабился и от этого стал выше, будто перестал зажимать себя.

— Да. И оба на веслах, — грустно улыбаюсь я. — Но и это не все причины, почему я хочу вам помочь.

Бай тут же делается серьезным. Смотрит с прищуром, не перебивает.

— У меня к вам и вашим людям деловое предложение, — начинаю сразу с главного. — Стать работниками свалки. Вы сами говорили, что хотите трудиться, но местные не дают вам такой возможности.

— В Грюннендрахе правят гильдии, — кивает Бай. — Они держат в руках почти всю экономику города. И делают всё, чтобы ни один из нас не заработал ни гроша на подконтрольных им территориях.

— А я, по представлению местных, черная вдова. Да еще травлю город. Как думаете, насколько длинные очереди выстроятся из желающих работать на меня? — скептически задирая бровь. — Так что нам сам дракон-прародитель велел объединиться.

Лицо Бая делается задумчивым. Он стоит погруженный в мысли и потирает подбородок. Через пару минут смотрит на меня пронзительным взглядом.

— Сколько вы предлагаете за работу?

— Пока нисколько, — честно отвечаю я. — Но я буду отдавать вашей общине девять десятых дохода. Так что всё зависит лишь от ваших людей. Сколько они принесут свалке, столько и получают. А эти сто тридцать три золотых подтвердят, что я настроена серьезно.

— Неужели вы считаете, что на свалке можно заработать? — к моему удивлению, Бай спрашивает это с искренним интересом.

— Вы видите под ногами мусор, а я вижу сокровища, — поясняю я. — Сначала мы наведем порядок, организуем правильное хранение отходов, разберемся с отравлением реки, а потом всё остальное.

— По рукам, — Бай протягивает свою лапищу, на фоне которой моя ладошка смотрится как кукольная.

Мыжимаем руки. Я отсыпая себе двадцать золотых, остальное передаю предводителю беженцев. Он уходит в приподнятом настроении. А я наконец захожу в дом и вижу, с чем меня оставил смотритель.

В домишке три комнаты — спальня, кабинет и кухня-столовая. Второй этаж, больше похожий на чердак, он загроможден каким-то хламом. Я провожу ревизию каждого помещения.

Спальня крохотная с покосившимся окном и единственной кроватью. Постельного белья нигде нет. То, которое сейчас на кровати, всё в дырах. Вместо шкафа самодельная этажерка. На этом убранство комнаты — всё.

В кухне находятся стол, два стула и печь, от которой и отапливается вся хижина. В углу корзина с припасами. В ней лежат сыр, вяленое мясо и овощи. В углу — кувшины с вином и водой.

Самое уютное место в доме — кабинет. В нем стоят массивный стол с кучей ящиков, стеллаж вдоль всей стены и ушастое кресло — такое очень любят старики (и я).

Всё заросло пылью, мелкие окна покрыты слоем непроницаемой грязи. Деревянные поверхности черные, к ним прикасаться неприятно до дрожи. Мне становится стыдно перед Фламбергом, что он видел мое жилище таким.

Машу головой, отгоняя невесть откуда взявшееся чувство. Кого это ты стыдиться вздумала? Дракона с насмешливыми глазами? Да он забудет тебя, как только выйдет со свалки! А если и придет снова, то для того только, чтобы проверить, как ты устраняешь нарушения. Так что не вздумай больше, ни-ни!

Стыд уходит. Но его место занимают горечь и жалость к себе. Катя-Катя... Куда тебя занесло? Это ты для других такая смелая и сильная, но внутри каждую секунду сжимаешься от ужаса.

Стоп! Это ни в какие ворота не лезет! Что на тебя нашло? Нюни распустила...

Хорошо, что у меня есть рецепт, как справиться с такими черными, ядовитыми мыслями и чувствами. И нет, это не кувшин с вином!

8.

Чтобы заглушить непонятные чувства, погружаюсь в уборку.

Тут работы на целую команду клинеров. Отмыть окна, полы и мебель, смахнуть пыль, снять паутину с сухими мухами (даже пауки сбежали отсюда!), привести в порядок деревянные поверхности — я заканчиваю одну задачу и тут же перехожу к следующей.

За водой таскаюсь к речке. Мне нужно много воды! Домишко зарос грязью так, словно в нем не убирали лет пятьдесят. Так что рейсов с ведрами приходится совершить немало.

По пути замечаю на горах мусора любопытных детей из лагеря беженцев. Они наблюдают за мной издалека. Изучают, присматриваются. В один из проходов вижу с ними старика, сидящего на мусорной горе.

Полы отмыты, мебель отдраена, найденные в углу занавески отстираны и уже повешены на торчащие из стены над окном гвозди. Стулья, кресло, кровать — всё наконец вычищено. Я открываю все окна и проветриваю. Даже ароматы со свалки лучше, чем спертый затхлый воздух с запахом старости и пьянства, которые царили тут.

Грязная работа сделана. А самое вкусное — разбор документов и книг в кабинете — оставляю на десерт.

А завтра меня ждет чердак.

Ужинать сажусь уже за чистый стол, который отскоблила собственными руками. В маленькие окна заглядывает вечерний свет, мягко золотит доски и стены. С гордостью осматриваю проделанную работу. Домик не узнать.

Может, у меня есть этот мифический ладус — волшебный дар, который помогает быстрее делать бытовые дела? Хотя откуда бы ему взяться у попаданки? С другой стороны, протцы-драконы, которые закинули меня сюда то ли от скуки, то ли из жалости, вполне могли отсыпать мне немного волшебства.

Вода в кувшине не вызывает доверия, поэтому разбавляю ее вином. Это древний как мир способ обеззараживать воду. Так делали еще греки во времена Гомера...

Физическая усталость и видимый результат от проделанной работы поднимают настроение. Теперь, если губернатор заглянет на свалку, его не стыдно пригласить в гости. И напоить чаем... Стоп!

Аж рычу от досады. Катя! Какие гости? Какой чай?! Дался тебе этот губернатор!

Со вздохом отодвигаю пустую тарелку и отставляю кружку. Вяленое мясо, сыр и огурец, найденные в корзине в углу кухни, — не густо, но хоть что-то. Посуда тут простая, грубоватая. Из такой гостей чаем не напоишь.

Катя! Ты опять? Угомонись уже!

Но посуду надо бы новенькую. Не для губернатора, для других гос... посетителей.

Мою тарелку и кружку. Прячу корзину с едой в холодный подпол, который обнаружила, когда отмывала кухню. На самом деле это просто неглубокая яма, которая накрывается досками.

А теперь время десерта! То есть разбора документов. Отправляюсь в кабинет.

Губернатор уже покопался здесь и даже рассортировал бумаги в несколько стопок. Одну составляют сплошные предупреждения от города. Похоже, смотритель просто приносил их сюда и клал на стол, ни разу не удосужившись переслать их нанимателю.

Теперь понятно, почему Прочион не знал, что тут творится...

Вторая кучка — это письма от Прочиона и его поверенного Стюарта. Все они вскрыты не человеком, а драконом. Только драконы могут своей магией разогреть сургуч так, чтобы открыть письмо не повредив печать. И я даже догадываюсь, кто этот дракон.

В письмах ничего особенного. Процион интересовался состоянием дел. Никаких крамольных и людоедских распоряжений в его посланиях я не нахожу. Смотритель, видимо, писал нанимателю ложные отчеты, а цены на мусор — это его личная, так сказать, инициатива. Неплохо устроился, пройдоха!

Еще одна стопка — всякая дребедень. Рекламные буклеты, визитки, газеты и прочая чепуха. Ничего полезного я не нахожу.

Перехожу к ящикам и вытаскиваю настоящий клад. Похоже, это бумаги предыдущего владельца. Чего тут только нет! Отчеты, планы, заметки... Личные письма, вместе с которыми хранятся черновики ответов на них.

Предыдущий хозяин был просто маньяком порядка. И благодаря этому у меня появляется прекрасная возможность погрузиться в неторопливый стиль старосветских писем.

Конечно же, завидев имя Проциона Ракуна на одной из стопок, я откладываю все остальные бумаги и вчитываюсь в беседу моего патрона, которая велась много лет назад.

“Дорогой Агни! Как твои дела?” — я пробираюсь через витиеватую, наполненную формулами дружбы, речь Проциона. Читаю, и в голове звучит его мягкий добрый голос... Мозг рисует его мимику и жестикуляцию. И от осознания, что я больше никогда не увижу, не услышу и не обниму своего друга, на глаза снова наворачиваются слезы. Я же так и не смогла его оплакать...

Читаю черновики ответов. Собеседник Проциона был таким же старомодным в выборе слов. Я не знаю, кто этот Агни, но мне почему-то представляется второй Процион, только немного сварливее и угрюмее.

Ныряю в переписку, как в старинный роман. Друзья делились, кажется, всем. Из писем я узнаю, что у Проциона была пассия, которая ушла к другому. Узнаю, как он оплачивал карточные долги Лакаша. И вообще много нового узнаю о своих новоиспеченных родственниках.

И в который раз поражаюсь необъятностью сердца своего друга. Он искренне любил их, расстраивался из-за их неудач, в которых были виноваты они сами, давал им шанс за шансом и ни разу не пожаловался в письме на них, ни слова плохого ни о ком не сказал.

“Мой друг, — писал ему в ответ господин Агни, — смею предположить, что ты их несколько разбаловал. Вот увидишь: они еще проявят себя во всей красе. Особенно твой бедовый племянник Лакаш. Я с ним не знаком лично, но судя по твоим описаниям этот молодчик способен на многое, и я не про науки или искусства. Хотя воровство и криминал некоторые относят и к тому, к другому...”

Улыбаюсь такому по-стариковски меткому и едкому комментарию.

Беру следующий черновик письма Агни. Это не ответ на письмо Проциона, а внеочередное послание. И это уже удивляет. Но то, что я нахожу дальше, заставляет меня подскочить к окну и задернул дырявую штору, а перед этим удостовериться, не бродит ли кто-либо возле моего домика.

9.

“Друг мой Процион, — начинается письмо как обычно, — у меня к тебе есть деликатнейшая просьба, о причине которой никто не должен узнать. Иначе под угрозу попадет не только Грюннендрахт, но и вся Эльдратория...

Как ты, наверное, догадываешься, дни мои сочтены. Целители дают мне от силы пару месяцев. И именно сейчас, в ту пору, когда мне надо бы задуматься о том, как достойно уйти, драконы-прародители подкинули мне новое испытание.

Начну издалека.

Когда я только получил во владения эту свалку, ко мне пришел Верховный служитель культа Старшего Дракона. О, я скажу тебе, это невероятный человек! Ум его острее драконьих когтей, а глаза видят будто сквозь время.

Он поведал, что в незапамятные времена, когда люди еще не познали благочестивых драконов-прародителей, они поклонялись темным богам и строили в их честь святилища. В таких святилищах творились ужасные и омерзительные вещи, отвратительным порождениям бездны подносились кровавые жертвы.

И когда благословенные драконы пришли на наши земли, они первым делом выкорчевали культы темных божеств, уничтожили и сравняли с землей места поклонения им.

Было это, как ты понимаешь, настолько давно, что и сами драконы, которым отмерен долгий век, не помнят этого. Сие знание передают друг другу лишь посвященные.

Верховному служителю было видение, что одно из таких темных святилищ находилось на месте моей свалки. Он долго искал о нем информацию в книгах и свитках и находил лишь обрывочные сведения.

Но из них, подобно тому как из осколков складывается разбитая ваза, собирается страшная картина. Именно здесь, на земле, по которой я хожу, некогда находились Врата в Бездну. По неведомым нам причинам Драконы не уничтожили их, а засыпали землей.

Верховный предупредил, что мне стоит быть осторожным и в случае обнаружения Врат немедленно вызывать его. Он боялся, что среди его окружения есть алчные и завистливые люди, которые вознамерятся открыть путь в Бездну, поэтому никому не рассказал о своем открытии.

Недавно я узнал, что Верховный скончался. Это был великий и мудрый дракон. Да примут Драконы-прародители его душу. Но теперь о Вратах знаю только я.

Мой друг. Эта тайна жжет и корежит меня. Это непосильная ноша для одного. Пока был жив Верховный, мы несли ее вдвоем, но теперь я не справляюсь.

Поэтому заклинаю тебя, раздели со мной эту трудность. Только тебе я могу доверять, больше никому... Прости, что взваливаю на тебя эту ношу вот так, без спроса.

Когда меня не станет, прими свалку. Только ты настолько чист и добр, что не попытаешься искать этот страшный артефакт. Только ты настолько силен в душе, что выдержишь вес этой тайны”.

Я выдыхаю и откладываю письмо, обхватываю голову руками. Теперь с этой тайной жить мне...

В Бездне обитают самые темные сущности и божества. У них до сих пор, несмотря на инквизицию, есть поклонники, которые мечтают выпустить своих властителей на волю. А этого допустить никак нельзя.

Но я хотя бы знаю, на что могу наткнуться. И хотя бы знаю теперь, к кому обратиться.

Надо попасть на встречу к нынешнему Верховному... Но меня начинают жидить сомнения. Что, если его предшественник не успел поведать ему о своих находках? Что, если он сочтет мой рассказ бредом? А из доказательств у меня лишь черновик письма...

Остаток вечера я мечусь по домику в поисках места, которое может стать тайником для письма.

Нахожу его в спальне в щели между досками пола. Для верности устраиваю перестановку мебели. На тайник перетаскиваю кровать. Такие физические нагрузки отнимают последние силы, и я ложусь спать в совершеннейшем изнеможении.

В сон проваливаюсь мгновенно. Сон липкий, тягучий, страшный. Меня преследуют темные тени, которые лезут из щелей в полу и стенах моего домика. из печи и окон.

Я несколько раз просыпаюсь с криком, подрываюсь, сижу, ощущая, как сердце бешено колотится в груди. Немного успокаиваюсь и снова проваливаюсь в мутные сновидения.

Поднимаюсь разбитая. Завтрак такой же скудный, да и есть совсем не хочется. Голова тяжелая, на душе беспокойно.

Когда я ополаскиваю тарелку, слышу стук в дверь. На пороге стоит Бай. В его руках мешок.

— Можно? — с легким поклоном спрашивает он.

Я хрипло, словно с похмелья, приглашаю его в дом. Он заходит и с удивлением оглядывается.

— А тут, оказывается, и не такая уж дыра, — с удивлением тянет он. — Пожалуй, у вас действительно может что-то получиться. Это вам, — протягивает мешок мне.

Я ставлю его на стол, открываю, и у меня глаза лезут на лоб. Вынимаю содержимое дрожащими от волнения руками. Там хлеб, мешочки с крупами, мукой, пакеты с орехами и сухофруктами и крынка с молоком.

— Благодарю, — бормочу я. — Не стоило.

— Это ничто по сравнению с тем, что вы нам дали, — качает головой Бай. — Мы вчера наблюдали за вами и не заметили, чтобы вы отправились на рынок за едой. А от того старика-смотрителя вам вряд ли осталось что-то съедобное.

— Я вам ничего особенного не давала — лишь вернула то, что у вас обманом забрали, — тихо возражаю я.

— О! Я не про деньги, — усмехается Бай. — Вы нам дали нечто гораздо большее — надежду и возможность.

Я сдерживаю подступающие слезы и приглашаю собеседника за стол. Когда садимся, спрашиваю:

— Значит, вы всё обсудили со своими людьми и они приняли предложение?

— Да. Мы готовы сотрудничать с вами. У меня много горячих, рвущихся в дело мужчин. Много умных и старательных женщин и шустрых детей. Это, кстати, они с самого утра сбегали на базар и добыли вам припасы. Вуди особенно старался вам угодить.

Помощь от этих обездоленных людей греет и отгоняет черные мысли, которые терзали меня с вечера. Может, я зря вчера так переживала? Если эти Врата действительно на моей свалке, они погребены под толстым слоем отходов. Я до них доберусь не скоро, а к этому времени предупрежу Верховного.

Во мне разгорается жажда действий. Желание приступить немедленно подгоняет в спину.

— Тогда начнем, — говорю уверенно и поднимаюсь из-за стола. — И вот с чего!

10. Кадмон

Я отношу пройдоху-смотрителя в тюрьму и передаю страже, кратко обрисовав, в чем его подозреваю. Подробности они сами из него выудят.

На собрание совета я, конечно же, опаздываю. Но меня это не особо заботит: представители гильдий никуда не разойдутся и не посмеют пикнуть ни слова недовольства.

Меня беспокоит иное. Непонятный клубок чувств и эмоций после знакомства с юной вдовушкой Ракун. Кровь кипит, а кулаки сжимаются. И в груди словно растекается лава.

Прикрываю глаза, как обычно делаю на собраниях, когда принимаю доклады от глав гильдий, и откидываюсь на спинку кресла. Но сейчас я слушаю не членов совета, а себя, пытаюсь успокоить разогнанную кровь и унять напряжение. Сжимаю подлокотники кресла железными тисками до треска.

Глаза закрыты. И перед внутренним взором всплывает образ вдовы Ракун — такой милой, нежной, безвредной и незащищенной. Но разум знает, что скрывается за этим обликом благородной невинности — хладнокровная убийца, отравившая мужа!

Это противоречие ангельской внешности и демонической сущности бесит, будоражит, злит и... интригует. Я ожидал совершенно иного — готовился встретить хитрую прожженную стерву, готовую на все ради денег. А увидел полную противоположность ожидаемого.

И пусть девчонкапри мне ничего плохого и, как оказалось, никакого отношения к поборас среди беженцев не имела, но я буду ждать от нее худшего. В конце концов, люди всегда огорчают. Я давно живу по правилу: не очаровывайся, чтобы не разочароваться. Так что просто буду ожидать от вдовушки подвоха. А раз я буду готов, то ей не удастся удивить и огорчить меня.

Решив так, я наконец переключаю внимание к заседанию и веду его до самого конца.

Проходит пара дней, мыслями я всё равно постоянно возвращаюсь к госпоже Ракун. Ловлю себя на том, что веду с ней воображаемые диалоги, стараясь поймать ее на лжи, вывести на чистую воду.

Утром третьего дня Кассиус Дотор, начальник моей тайной службы, сообщает, что ночью его люди предотвратили попытку нападения на лагерь беженцев со стороны горожан. Говорю же: люди всегда разочаровывают!

Я трачу огромные ресурсы, чтобы Грюннендрахт стал гостеприимным и безопасным городом, иначе в эту дыру не привлечь купцов. И подобные вспышки ненависти к чужакам мне вовсе не на руку.

Кассий устраивает мне встречу с главарем зачинщиков. Я дожидаюсь в одной из допросных, расположенных в здании тюрьмы. Вскоре ко мне приводят невысокого оборванца с тупыми глазами. Увидев меня, он сжимается, словно хочет превратиться в крысу и сбежать в нору.

Его сажают за тяжёлый стол и заковывают в прикрепленные к металлической скобе посреди столешницы кандалы. Цепи звенят — так трясется этот недоделок.

— Итак, — начинаю я вкрадчивым тоном и мягко сажусь напротив бандита — поведай мне, с чего вы вдруг решили напасть на беженцев. Разве они кому-то мешают?

Тот отвечает дрожащим голосом:

— Ваше сиятельство! Так не в том же дело, что мешают...

— Тогда в чем? — все еще мягким голосом спрашиваю я.

Бандит боязливо оглядывается и произносит шепотом:

— Так того, деньги у них появились. Вот мы и хотели... того...

— Ты смеёшься? — рычу я. — Откуда у бедняг деньги? Вы ж их ни к чему не допускаете! Откуда деньгам взяться?

— Да почём мне знать, откуда деньги! Просто видим мы, что стали они на рынок выползать и еду хорошую брать. И детишкам своим кой-чего. Вот мы и смекнули: деньга завелась...

А вот я, кажется, догадываюсь, откуда у них деньги. Но верить не хочу. Потому что это расшатывает мою уверенность в подлой натуре вдовы Ракун.

Протягиваю руку, хватаю кандалы и дёргаю цепи на себя. Бандита срывает с места и забрасывает на стол. Его морда на расстоянии вытянутой руки от моего лица.

— Послушай сюда, дружок, — притягиваю побелевшего бандита вплотную к себе. — Передай остальным, что беженцы неприкосновенны. Кто их попытается обидеть, немедленно окажется в тюрьме. Понял?

Бандит кивает, глядя на меня перепуганными глазами. Его продолжает трясти так, что он мычит в ответ что-то невразумительное, но по интонации согласное. Приказываю отпустить оборванца и поставить за ним слежку.

А у самого крылья чешутся проверить свою догадку.

Минут через десять я зависаю над лагерем беженцев и глазам своим не верю. Рядом с их палаточным городком высятся горы досок. Откуда? Только приземлившись и приняв человеческую ипостась, я вижу их неоднородность. Доски очень разные и по длине, и по цвету, и по состоянию.

Нахожу Бая. Он сдержанно улыбается.

— Господин Фламберг! — приветствует меня неглубоким кивком.

— Что вы тут затеяли? — обвожу взглядом стройматериалы.

— Госпожа Ракун позволила нам строиться на этой земле и разрешила брать найденные на свалке материалы в неограниченном количестве, — с лёгким холодом отвечает Бай. — А ещё она компенсировала деньги, которые обманом выманил смотритель.

Ну надо же, какая щедрая!

— И что она попросила взамен? — приподнимаю бровь, не скрывая своего скепсиса.

— Она взяла нас на работу, господин Фламберг, — с едва заметной теплотой отвечает Бай. — Пойдемте покажу.

Он ведет меня на свалку. И изменения я вижу сразу. Каша из грязи и отходов больше не хлюпает под ногами. Я смотрю вниз, чтобы понять, что случилось. Бай замечает это.

— Мы стали посыпать дорожки осколками керамики, — объясняет он. — Находим старую глиняную утварь, разбиваем в мелкие кусочки, а потом посыпаем дорожки.

Я поражаюсь, как всё, оказывается, просто! Непролазная грязь — проблема многих немощеных улиц Грюннендраха, до которых я еще не добрался со своим благоустройством. А решение всё это время лежало в прямом смысле под ногами. И чтобы найти его, девчонке понадобилось три дня...

В кровь снова вбрызгивается пламя, я сжимаю кулаки и выдыхаю горячую струю воздуха.

Проходя по свалку обращаю внимание, что здесь появилось разграничение на зоны. Пока черновое: на торчащие из земли колышки натянуты веревки-ограничители. Ну что ж, это уже какая-то система.

А потом я вижу вдовушку Ракун. Она стоит неподвижно перед кучей мусора и внимательно ее изучает. Пламя в крови только сильнее разгорается: я уверен, что девчонка что-то замышляет. Ну кто в здравом уме будет отдавать другим такую сумму?!

— Госпожа Ракун! — окликаю ее, и мой голос переходит на рык. — Объясните мне, какую игру вы затеяли?!

Она оборачивается, замечает меня. Ее глаза расширяются, и в них мелькает... Радость? Девчонка широко улыбается и готовится что-то сказать. И в этот момент я замечаю краем глаза нечто ужасное.

— Нет! — кричу мужчине, который поставил перед собой изящный расписной сосуд и занес над ним дубинку. — Не смей!

Поздно.

Дубинка обрушивается на Амфору Ветров.

Свалку сотрясает взрыв.

11.

— ...затеяли?! — слышу за спиной голос губернатора.

Я оборачиваюсь слишком поспешно. Губы сами собой растягиваются в приветливую и, наверное, дурацкую улыбку. О! Господин Заносчивый Дракон тут?! Ну сейчас я ему покажу! Я так много сделала за эти несколько дней, и мне не терпится ткнуть своими достижениями в его наглое красивое лицо!

Но это лицо вдруг преображается в гневную маску.

— Не смей! — кричит он кому-то у меня за спиной, по его лбу пробегает рябь черной чешуи, глаза вспыхивают двумя огнями.

И в этот момент мне на спину обрушивается сокрушительный удар. Меня сметает и валит лицом и грудью на острые осколки. На мгновение мир погружается во тьму, а уши наполняются звоном.

Это похоже на взрыв... Неужели на моей свалке нашлось что-то опасное?

Тогда мне надо быть там! Если пострадали люди? Дети? Перед глазами встает улыбчивый Вуди с одноногим игрушечным солдатиком в руках. Мальчик так радовался, когда нашел его.

Сил подняться нет. По телу разливается волна боли. Звон в ушах нестерпимо сильный, от него тошнит и хочется закрыть глаза. Ну же, Катя, поднимайся! Там твои люди! Им нужна помощь!

С двцатой попытки я отталкиваюсь руками и наконец поднимаюсь. Меня ведет в сторону, и мне приходится придерживать голову руками. Она такая тяжелая! Кажется, что она вот-вот завалится и утянет меня за собой.

Я медленно поворачиваюсь и вижу на куче мусора воронку, из нее торчат рваные ботинки. Я едва переставляю ноги, но добираюсь до лежащего в воронке на спине с раскинутыми руками Дэна — рубаха в лохмотья, грудь и лицо залиты кровью. Глаза открыты.

Он кашляет и рвано дышит. Я иду к нему, падаю на колени и зову на помощь. Но я не слышу собственного голоса. Все завлакивает пришедшая вместо звона ватная тишина.

Поднимаю голову, чтобы понять, что происходит. И замираю, забывая вдохнуть. Над свалкой творится нечто. Над ней носятся прозрачные тени, напоминающие китайских змееподобных драконов.

Насчитываю четыре: желтую, красную, синюю и зеленую тени. Они вьются по свалке, роняя людей и врезаясь в кучи мусора. Всё, что мы сделали за два дня, разбросано, разметано стихийной силой.

За теньями гоняется черный дракон. Он безжалостно ловит их и стискивает в передней лапе. От мельтешения у меня болят глаза, и я склоняюсь над Дэном. Вдыхаю, от чего по груди разливается волна боли.

Дэну надо срочно помочь, но я не понимаю как. Мне в голову приходит лишь стереть с него кровь, чтобы оценить повреждения. Не знаю, откуда берутся силы, но я отрываю ленту от подола и вытираю Дэну лицо.

Мне страшно до жути. Дэн судорожно хватает ртом воздух, но кашель не дает ему дышать. Смерть собирается забрать еще одного хорошего человека прямо на моих глазах. Меня наполняют отчаяние и ярость. Почему я не врач и не целитель?! А бестолковая попаданка, которая ничего не может сделать!

Внезапно рядом со мной на колени опускается хрупкая блондинка в черном бесформенном балахоне. Я видела ее в лагере, но она всегда держалась в стороне. Блондинка останавливает мою руку и кладет свои ладони на грудь Дэну.

От них растекается свет, который расходится в воздухе сияющими разводами, словно чернила в воде. Раненый вдруг вздрагивает, его начинает бить крупная дрожь. Девушка отнимает ладонь от груди Дэна и хватает меня за руку. Что-то говорит.

Я качаю головой, я не понимаю. Тогда блондинка кладет мою руку на плечо Дэну и прижимает.

— Держать его? — спрашиваю, вновь не слыша себя.

Девушка кивает.

Я делаю, как она показала. Дэн содрогается и пытается вырваться, но я держу изо всех сил. Блондинка сосредоточена только на раненом, она гладит его раздавленную грудь, руки и ноги. Сжимает в ладонях его голову. Всё это сопровождается вспышками и потеками света.

Кровь на раненом быстро высыхает, сам он постепенно успокаивается. В конце концов он затихает, его грудь мерно вздымается. Без рывков и судорог.

Блондинка сделала это. Она его исцелила и вырвала Дэна из лап смерти.

Только далось ей это немалой ценой. Она сама теперь похожа на смерть. Под глазами глубокие тени, лицо осунулось, кожа побелела и истончилась.

К нам подбегает Бай и его люди. Осторожно вытаскивают под ноги и руки Дэна из воронки. Бай помогает выбраться мне, затем нависает над блондинкой. Ее он бесцеремонно берет за плечи и рывком поднимает.

Девушку шатает от усталости, и я подхожу к ней, чтобы поддержать. Сама иду такой же неуверенной походкой. Бай смотрит на меня, качает головой и подхватывает блондинку на руки, а ко мне подходит один из его людей и подставляет плечо.

Посреди свалки стоит черный дракон, в каждой лапе у него по две тени. Я всё еще ничего не слышу, но чувствую, как вздрагивает земля под лапами монстра.

Вдруг блондинка срывается с рук Бая и бежит к дракону. По пути засовывает тонкую руку в черный балахон и вытаскивает оттуда какой-то блестящий серебром предмет, кажется, горшочек с узким горлом.

Бай бросается за блондинкой и пытается ее удержать, но дракон делает выпад шеей в его сторону, мол, уйди, не мешай, и Бай останавливается. Может, дракон даже рычит, но я не слышу.

Девушка подбегает к Фламбергу, держа над головой серебряную вазочку. И дракон начинает засовывать в нее пойманные тени. Стоит только хвосту стихийного духа коснуться горлышка вазы, как его засасывает внутрь целиком с невероятной скоростью.

Затолкав всех пленников в серебряный горшочек, Фламберг принимает облик человека. Он выхватывает у блондинки блестящий сосуд и прячет в нагрудный карман.

Затем осматривается, замечает меня и направляется ко мне. И судя по его размашистому твердому шагу, по развевающимся волосам, хмурым бровям и легкому дымку, который вырывается из ноздрей мэра, он в лютом бешенстве.

Его вид пугает. Мои ноги прирастают к земле, сердце стучит, кажется, прямо в голове. Кожа под платьем покрывается мурашками.

А Фламберг приближается с неумолимостью цунами.

Наверное, будет орать.

Хорошо, что я ничего не слышу.

12.

Я быстро оглядываю себя. Всё платье в крови Дэна. Подол оторван. Руки расцарапаны осколками, на которые я упала, ногти черные от грязи. Провожу горячей от мелких порезов ладонью по волосам. На ощупь — воронье гнездо.

Не принцесса — королева! Помойки...

А Фламберг уже передо мной. Кладет тяжелые руки на плечи, приближает свое лицо к моему и что-то говорит. В меня. Иначе не сказать. Брови сгрудились у переносицы, в глазах огонь, по лбу пробегает рябь чешуи — это какая-то очень гневная тирада.

Только я ни словечка не понимаю. Пытаюсь прочесть по губам, но залипаю на них. Такие чувственные. Неужели они могут принадлежать злему дракону? Кажется, я мечтательно улыбаюсь.

— Вы добьетесь того, что я закрою вашу свалку и сожгу ее ко всем демонам, — рык Фламберга вдруг врывается в уши и разбивает спасительную тишину.

Я от неожиданности подпрыгиваю, словно кошка, напуганная звоном посуды, и на рефлекс выкрикиваю:

— И незачем так орать!

Фламберг замолкает и с удивлением вглядывается мне в лицо.

А на меня обрушиваются звуки. Треск, крики, детский плач... Они взрывают мне мозг. Я отталкиваю губернатора, отскакиваю и закрываю уши руками. Сгибаюсь, как от боли в животе. Пытаюсь заглушить страшную какофонию.

Сердце пускается вскачь и вот-вот выломает ребра изнутри, горло стискивает спазм, и я не могу нормально вдохнуть. Хватаю воздух ртом, как утопающий.

В этот момент меня подхватывают крепкие мужские руки, встряхивают, прижимают к каменной широкой груди в шикарном камзоле и начинают гладить по спине и по волосам, утешать, как ребенка.

— Успокойся... — шепчет Фламберг. — Это сейчас пройдет. Так бывает после взрывов. Что ж ты сразу не сказала, что не слышишь?..

Я теряюсь от неожиданности. Только всхлипываю. Что нашло на господина губернатора? Я думала, он умеет лишь свирепо смотреть и угрожать... Что сожжет свалку...

Сожжет свалку... Меня пронзает страшная мысль. Она приносит ясность и твердость. Я выдыхаю, дышу на счет и постепенно успокаиваюсь, сердце замедляется. Звуки теперь не кажутся такими страшными.

Мягко, но решительно отстраняюсь от Фламберга, в глазах которого на мгновение ловлю досаду.

— Свалку нельзя сжигать! — сообщаю я.

Ни в коем случае нельзя. По крайней мере, пока я не переговорю с Верховным. Потому что пожар может обнажить спрятанные врата. Но сказать этого Фламбергу я не могу.

— Мы только что убедились, что тут много опасных артефактов, — продолжаю я. — А если тут еще и зелья? Если сжечь свалку ко всем демонам, то можно устроить тут взрыв такой силы, что Грюннендрахт сметет с лица земли.

Фламберг хмурится. Но больше не орет. Буравит меня горящим взглядом.

— Вам надо к целителю, — наконец роняет он. — У вас всё лицо в крови.

Вот мы снова на вы... Это неприятно колет в сердце и почему-то раздражает.

— Мне надо умыться, причесаться и подумать, как быть дальше. С новой информацией о том, что тут есть опасные артефакты, — возражаю я. — Кстати, что это было?

— Амфора ветров... — задумчиво произносит Фламберг. — По закону магические предметы и зелья нельзя бросать на обычной свалке...

— Ну, теперь мы знаем, что кто-то не сортирует отходы, — отвечаю устало. — А теперь прошу меня извинить, мне надо проверить, как мои работники. Если они у меня еще есть.

Фламберг смеряет меня уже знакомым фирменным взглядом с насмешкой. Ну вот мы окончательно вернулись к тому, с чего начали.

— Я приду и проверю, что вы придумали, — рокошет он.

Затем слегка кланяется, разворачивается и двигается прочь. Я провожаю его взглядом. Фламберг не уходит сразу. По пути он подходит к беженцам, что-то у них спрашивает, хлопает по плечу. Я с усилием отвожу взгляд и иду искать в этом хаосе Бая.

С облегчением понимаю, что, кроме Дэна, серьезных ранений никто не получил. Плохо, что теперь на свалке вместо надежды властвует страх.

Нахожу Бая в лагере беженцев под рваным навесом. Он сидит рядом со спасшей Дэна блондинкой. Та лежит без сознания на матрасе, набитом соломой.

— Как она? — спрашиваю участливо.

— Выкарабкается, — с затаенной злобой говорит Бай. Он ко мне даже не оборачивается.

— Кто это и почему вы так к ней относитесь?

— Ее зовут Долорес, — бросает Бай. — И она кое в чем провинилась.

— Она же совсем девочка, что такого страшного она могла сделать?

Я удивлена. Мне казалось, что в общине Бая все поддерживают друг друга. Но сейчас я отчетливо вижу неприкрытую ненависть. Вспоминаю предыдущие прогулки в лагерь беженцев и понимаю, что так относятся к Долорес все без исключения, даже дети.

Бай некоторое время молчит, но потом всё же рассказывает:

— Она, скорее, не сделала кое-чего важного. Она не спасла двух маленьких девочек, которые отравились ягодами.

— Она даже не пыталась исцелить их? — мне тяжело поверить в это обвинение, потому что я видела, как Долорес самозабвенно взялась за лечение Дэна, а потом из последних сил бежала, чтобы отдать дракону серебряный сосуд.

— Почему же... Пыталась... Только без результата, — холодно цедит Бай.

— Но сегодня она спасла Дэна и помогла Фламбергу спасти всех нас.

— Только поэтому я с ней и вожусь, — отрезает лидер беженцев.

Я обязательно с этим разберусь. У них есть собственная целительница, а они относятся к ней, как к преступнице. Разберусь. Но сначала более важные вопросы.

— То что произошло на свалке... Этот взрыв... — делаю паузу, подбирая слова.

— Он очень напугал моих людей, госпожа Ракун, — поворачивается ко мне Бай и смотрит прямо в глаза. — Боюсь, мы не сможем с вами сотрудничать. Я не позволю своим людям так рисковать.

13.

Я ожидала подобного. Но все равно новость становится для меня ударом. Бьет, словно кулаком в сердце.

— В-вы уверены? — уточняю я, перебирая в уме аргументы, которые придумала, пока искала Бая.

Лидер беженцев поднимается и нависает надо мной:

— Уверен ли я? Тысячу раз да!

— Вам больше никто не предложит работу в этом городе, — захожу с козырей.

— Вы дали нам достаточно денег, чтобы мы наладили дела и стали вести хозяйство, — парирует Бай.

— Рядом со свалкой? Которая может рвануть? А воду будете брать из отравленной реки? — во мне просыпается боевой настрой, слезы высыхают.

— Если вы ничего не будете трогать, то ничего и не рванет! — отрезает Бай и втыкается в меня сердитым взглядом.

— О нет, господин Бай! — я не отвожу глаза. — Если я ничего не буду трогать, то свалку передадут кому-то не такому доброму. Тому, кто и на пушечный выстрел не подпустит вас к ней.

— Вы шантажируете меня, что прогоните нас с этой земли? — с угрозой произносит он.

— Нет, я пытаюсь объяснить вам, что мы все еще в одной лодке. У вас правое весло, у меня левое. И пока мы не начнем грести слаженно, будем крутиться на месте. Ах да, в лодке пробоина!

— Я не могу позволить своим людям так рисковать! — рычит Бай, надвигаясь на меня грозовой тучей.

— Зато можете позволить им жить в нищете и питаться объедками, — я стойко держусь, как ивовый прутик против урагана. — Вас много, и деньги скоро кончатся. Вы и половины задуманного не сделаете, если мы не наведем тут порядок.

— Я готов вернуть людей, но только когда на свалке станет безопасно. Вы говорите, нас много. Да. Но для меня важен каждый человек, никто больше не должен пострадать.

— Я вас поняла, — киваю. — Я придумаю, как сделать работу безопаснее. Мы найдем способ определять магически заряженные артефакты.

И тут со стороны навеса раздается слабый голос:

— Я знаю, кто может помочь...

Мы оба с удивлением смотрим на Долорес, которая приподнялась на локтях и смотрит на нас с надеждой.

— Не шути со мной, — угрожающе произносит Бай.

— Я знаю, кто может определять опасные артефакты, — твердо повторяет Долорес, в ее глазах вспыхивает упрямство.

— Если ты лжешь... — сжимает кулак Бай.

— Давайте дадим девочке сказать, Бай, — настойчиво говорю я.

— В городе живет нищий артефактор Фармо, — начинает Долорес. — Я его встретила на свалке, когда он пытался вынести разбитое зеркало связи. Мы разговорились. Фармо рассказал, что много лет назад поссорился с главой своей гильдии, и его за это изгнали. Растеряв всех клиентов, Фармо совсем опустился. Я ему помогла вынести зеркало, а он в благодарность дал мне амфору духов, в которую сегодня Фламберг заточил злые ветра.

— Ну и компания подбирается, — хмыкнул Бай, — черная вдова, беженцы, целитель-неудачник и нищий артефактор.

— Я просто предлагаю выход... — девушка устало падает на матрас. Бедняжка потратила на разговор слишком много сил.

— Спасибо, Долорес. Это реальная возможность, — благодарю я и разворачиваюсь, чтобы покинуть лагерь.

— Вы куда? — доносится в спину голос Бая.

— Решать проблемы! — бросаю в ответ и иду в свой домик.

Там я привожу себя в порядок. Снимаю испорченное и откладываю в сторону. Потом приведу в порядок. Надеваю изумрудно-зеленое платье, которое подарил незадолго до свадьбы Процион. Оно совсем непрактичное, но другого нет.

На выходе меня уже поджидает Бай. Вид у него свирепый.

— Это что? — кошусь на дубинку в его могучих кулачищах.

— Я не отпущу вас одну в этот город, — качает головой Бай. — В отличие от вас, я успел хорошо познакомиться с жителями Грюннендрахта. И знакомство, скажу я вам, не из приятных. Приличных людей единицы. И те драконы. Вернее, дракон.

Мы пускаемся в путь. Вид у нас как у героев какой-нибудь сказки. Девушка в дорогом зеленом платье и идущий рядом с ней бандитского вида охранник.

— То есть вечно недовольный Фламберг, по вашему, — приличный? — спрашиваю я у Бая.

— Мы живы только благодаря ему, госпожа Ракурн, — роняет тот. — Ему приходится руководить городом, в котором правят главы гильдий, мечтающие закопать друг друга на, простите, свалке. Тут хочешь не хочешь сделаешься сердитым.

— То есть взрослого мужика, который, кажется, не умеет говорить без угроз, вы оправдываете. А девочку, которая едва-едва вошла в силу, — нет... Может, у нее тогда еще не было нужных навыков, чтобы спасти детей...

— Может, — кивает Бай, но лицо его делается каменным. — Я это понимаю. Но видите ли... Это были мои дочери.

От его слов становится жутко. Я видела, как погибает мой друг. Но я и близко не представляю, каково это — видеть, как умирают твои дети.

— Мне жаль... — тихо произношу я.

Бай кивает.

Дальше разговор не клеится.

Нас пропускают через городские ворота. Стражники на входе смеряют нас презрительными взглядами, но молчат. В отличие от встречаемых жителей.

— Убийца... — сурово шепчет проходящая мимо старушка.

— Отравительница... — цедит старичок.

— Закрой свою грязную свалку! — откровенно зло кричит бедно одетая женщина.

Теплый прием, однако. Чувствую, как медленно закипаю. Язвительные слова так и вертятся на языке. Но идущий впереди и показывающий дорогу Бай шепчет:

— Не надо, госпожа. Не давайте им повода напасть.

Он прорезает толпу прохожих, словно ледокол. Двигается невозмутимо, поигрывает мышцами и как бы невзначай покачивает дубинкой. Выработал привычку за долгие годы.

Я беру пример с него. Мы проходим сквозь толпу и сворачиваем с широкой улицы в кривой пустынный переулок. Идем медленно. Не покидает ощущение, будто за мной следят. Осматриваюсь, и никого не вижу.

Бай ныряет между стоящими рядом домами. Оказываемся в закрытом дворике, посреди которого растет дерево. Рядом с деревом лежит большая бочка. Из нее доносится храп.

Бай стучит по бочке дубиной.

— Господин Фармо! — произносит требовательно. — С вами пришли поговорить. Есть предложение!

Храп смолкает. Но тут сзади слышится сиплый мужской голос, в котором полно затаенной угрозы.

— А это кто пожаловал? Сама хозяйка свалки! Ну погоди, дорогушка, ты нам за всё ответишь!

Оборачиваюсь и Выход из дворика перекрывают три амбала со страшными мордами и безжалостными глазами.

14.

Бай молча задвигает меня за спину, покрепче перехватывая дубину.

Несмотря на наши разногласия этот здоровяк все равно встает на мою защиту. В груди теплой волной разливается благодарность. А с ней приходит страх. Бай, конечно, внушительный малый, но вряд ли в одиночку выстоит против троих.

Поэтому я внезапно для него (и для себя) выхожу вперёд и становлюсь между Баем и амбалами. Они замирают и с недоумением смотрят на меня. Что ж, для них мой порыв стал таким же сюрпризом, как и для меня.

— Стойте! Давайте поговорим! — предлагаю я.

— Ты нам зубы-то не заговаривай, — скинув оцепенение, рычит тот, что посередине. — Мы просто тебя немного проучим.

— За что? — спрашиваю я.

— Да за свалку твою! — отвечает тот, что слева, и щурит мутные глаза с бельмами. — И за то, что людей мирных травишь. Думаешь, не знаем мы про муженька твоего?

— Там жизнь забрала, теперь сюда приехала? — дополняет амбал справа и трясет палкой.

Меня пронизывают страх и отчаяние. С ними говорить бесполезно. Они уверены в моей виновности и в том, что накажут убийцу. Нам не выбраться из западни...

И вдруг передо мной выкатывается белая бусина, похожая на жемчуг. Затем хлопок — и она взрывается яркой жёлтой вспышкой. Показательно и шумно, но без последствий — как новогодняя петарда. Я после сегодняшних приключений подпрыгиваю от неожиданности и хватаюсь за сердце. За спиной слышу решительный трескучий голос:

— Ещё кто приблизится — так у меня таких бусин навалом. И не все настолько безобидны. Каждому хватит.

— Дед! Не балуй! — в голосе центрального амбала предупреждение и... страх?

Я оборачиваюсь и вижу тощего старика. Впалый живот, грудь с торчащими ребрами — вылитая советская батарея. Он одной рукой поддерживает полосатые штаны а-ля битлджус. С горящими глазами и растрепанными седыми космами старик похож на бешеный одуванчик. В свободной руке перекачивает горсть бусин.

— Я те дам девок пугать! — сварливо произносит старик. — А ну геть отсюда, пока я вас не подпалил!

— Фармо! — в голосе амбала сквозит разочарование оставленного без добычи волка. — Ну как же так?! Она ж злодейка! Ее ж проучить надо!

— А даже если и злодейка?! Но не в моем же двореке бить! У меня вона в бочке артефакты тонкой настройки. Стукнете мимо — и весь квартал на воздух взлетит.

Фармо сердито щурится в кустистые брови и трясет всклокоченной бородашкой.

— Эх, дед... — злобно рычит один из амбалов. — Не надо было тебя пускать сюда. А так сидим теперь, как на бочке со взрывчаткой.

— Чё, — старик наклоняет голову, — не нравлюсь те, да? Ну так и возитесь со своими ломаными артефактами сами. Или в гильдию идите. Тока перед этим семью не забудьте в рабство продать. Их цены вы знаете.

— И куда ты пойдешь, дед? — кривит рот в улыбке амбал. — Тебе никуда дороги нет.

— А вот к ей и пойду, — тычет в меня пальцем Фармо. — Ты ж за этим пришла, деуля?

Мы с Баем в немом изумлении переглядываемся и синхронно киваем. Переговоры проходят совсем не по плану, но не скажу, что я этому не рада.

Из груди амбала вырывается вздох облегчения. Второй вытирает пот со лба. Третий расплывается в улыбке.

— Ладно... — говорит мне главный. — Пока мы не будем портить тебе личико, только заведи деда с собой. Но не расслабляйся. В следующий раз ты так просто не отделаешься.

На этом амбалы по одному покидают дворик. Мне не верится, что всё прошло так легко. Я провожаю взглядом троицу, а потом поворачиваюсь к Фармо.

— Спасибо вам, что отогнали этих... — говорю с благодарностью и боязливо кошусь на зажатые в руке старика бусины.

— Ай, девушка, не за что... А на эти бусики не смотри. От них ничё не будет. Пустые они.

— То есть вы угрожали этим громилам... ничем? — изумленно спрашиваю я.

— Ну поверили ж, — довольно скалится дед. — Но про бочку со взрывчаткой — это правда. Опасная она.

Бай смотрит на меня с сомнением. Теперь идея пригласить Фармо не кажется такой чудесной.

— А с чего вы взяли, что госпожа Ракун пришла вас позвать? — спрашивает Бай.

— Тю... — усмехается Фармо. — Как она появилась, на свалке начались шевеления. Я-то ходил, смотрел, что вы там разбирать всё начали. А я уж знаю, что там тако-о-ое лежит под ногами, что не тронь — рванет. И судя по тому, как над свалкой кружили сегодня духи ветров, — таки рвануло.

— Рвануло... — мрачно соглашается Бай.

— Я так и прикинул, что вам нужен будет артефактор, который быстро раскумекает — мусор перед ним али вещь! — со знанием дела кивает Фармо.

Он скрывается в бочке. Оттуда слышно шуршание, стук. Бочка качается. Наконец дед выходит с двумя набитыми под завязку мешками. Один дает Баю.

— Давай, паря, впрягайся.

Бай молча протягивает руку за мешком.

— Погодите, — вмешиваюсь я. — Может, мы сначала обсудим, что конкретно вы будете делать на свалке и как я буду расплачиваться. Вдруг не сговоримся?

Дед ставит мешки на землю, смотрит на меня с таким снисхождением в глазах, будто перед ним несмышленная трехлетка.

— Девуля, — скрипит он, — тебе нужен артефактор, который будет шарить в мусоре и искать магические вещицы, а мне нужна крыша над головой, да чтоб покормили и к делу допустили. Приютишь старика?

— П-п-приючу, — киваю я.

— Вот и ладушки! — дед с уханьем поднимает мешок и дает его Баю. — Тащи, паря!

Мы в полном молчании возвращаемся на свалку. Вернее, молчим я и Бай, а дед всю дорогу распевает веселые песенки, внезапно перескакивая с одной на другую и перемешивая куплеты в безумный винегрет.

Дойдя до свалки, он останавливается и втягивает носом воздух с видом сладкоежки, которого запустили в кондитерскую.

Ощущение, что от старика принесет множество внезапных сюрпризов, не все из которых будут приятными, растет и крепнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.